

"Было всё очень просто,
было всё очень мило:
Королева просила
перерезать гранат..."
Игорь СЕВЕРЯНИН

УСОВЕТСКОГО ПОЭТА Михаила Светлова есть посвящение "Раб-факовке", где взгляд поэта скользят не столько по её "серенькому платью на спинке стула", сколько по страницам её учебников истории, где героинь две: Жанна Д'Арк и Мария-Антуанетта. Казённых героинь. Светлов как бы сравнивает жертвы: девушка-воин и капризная мотовка. Обоих примирила жестокая участь. Сегодня нас интересуют та, вторая, "беспользная" и хорошенькая. Та, что вошла в историю как расточительница и — разорительница, а ещё — как автор приписанного ей хамства

Гравюра из серии Monument du costume. Художник Жан-Мишель Моро Младший

насчёт "пирожных". Михаил Светлов, как всякий мужчина, любит австрийкой: "Двух бокалов влюблённый звон / Тушит музыка менуэта, — / Это празднует Трианон / День Марии-Антуанетты". Но потом за всё придётся платить: "Палача не охватит дрожь / Кровь людей не меняет цвета, — / Гильотины весёлый нож / Ищет шее Антуанетты". Культ очаровательной королевы, созданный братьями Гонкурами в эру Наполеона III и Евгении Монтхо, оказался живучим и — художественно-плодотворным. В России он обрёл черты совершенства, как обычно и случается — русский ум довёл до крайности ту изысканную печаль, что крылась в расхожей фразе Талейрана: "Кто не жил до 1789 года, тот не знает всей сладости жизни". Так возникла прихотливая шалость Константина Сомова, одарившего галантную эпоху таким благоуханным флёром, что историческая реальность покажет обывденщиной рядом с "Книгой маркизы"; а питерский денди — Михаил Кузмин отозвался в стихах: "Кем воспета радость лета: / Рощи, радуга, ракета, / На лужайке смех и крик? / В пестроте огней и света / Под мотыль менуэта / Стройный фавн гладию поник". И — узнаваемая сомовская тема: "Арлекин на ласки падох, Коломбина не строга".

Предгрозовое чувство 1910-х требовало таких же аналогов из прошлого и Андрей Белый писал, будто бы нанизывая дневниковые записки: "Вельможа идёт для встречи. / Он снял треуголку. / Готовит любезные речи. / Шуршит от шёлку". Александр Бенуа охарактеризовал 1760-е — 1780-е годы, как "...слегка усталое, помешанное на уточнённости и в то же время жаждущее простоты время". Ровно таким же был и Серебряный век в России.

Правление Людовика XVI, стиль Louis Seize столь же визуально-привлекателен,

ги. Никто не прислуживает господам — всё подаётся снизу. Век разумных машин предрекали философы, а пока — дюжие слуги вертели колёса деревянных механизмов, чтобы пол раскрылся и пред взорами гостя явилась "скатерть-самобранка". Век потайных дверей и секретных комнат, открываемых нажатием малозаметной ручки. Техника и флирт — негласный лозунг времени. И — желание спастись от подавляющей грусти.

Впрочем, такая передовая техника была не всем доступна — в залах музея стоят

депали всё ниже и устойчивее — в обиход входили пешие прогулки на дальние расстояния. Перед нами — целая витрина с туфельками бледных расцветок. Драгоценные пряхки, манерный слугизм, но тут уже прослеживается тенденция к удобству. К пониманию, что вещь — для человека, а не человек — для вещи.

Громоздкие фикмы в середине 1770-х оставили для парадных выходов — ко двору, в театр, на бал. Для иных мероприятий подкладывали подушечку faux-cul (буквально "искусственный круп") для созда-

вавшие парадный холод Версаля, но там очевидно: две парвеню ощущали себя тотально-чужими среди принцев и герцогинь. Однако молодая королева и её неказистый, но умный и одарённый супруг тоже привыкали ускользать из галерей, построенных ещё в эпоху Большого Стиля. Так возник Трианон, "близкий кружок", где не было величавой королевы из рода Габсбургов, а была Туанетта, Тонни, развлекавшая друзей песенками и картонной игрой. Людовик XVI, не входивший в компанию Водрейлей и Ламбаль, заперся в своих кабинетах, где упоённо... работал на станках и починял механизмы. "Простота" означала наличие собственного, внутреннего мира. Уважалось любое острое мнение — без жеманной выпренности, а как есть.

Идеалом виделась жизнь пейзаж — их рисовали подлинно счастливыми — помим фарфоровых пастушков, на выставке есть раздел, отображающий "игру в крестяны". Реальные труженики о ту пору ели кажется траву, наматывая её на хлеб — для создания некоего разнообразия. Но милашке-Антуанетте ужасно нравилось изображать даярку, а потому эскизы "швейцарской деревни" знакомы каждому, кто хоть раз касался темы Галантного века. Вот и она сама — скульптурный портрет. Это надменное личико, крошечный рот, взбитая причёска-торт. Стефан Цвейг описал о королеве: "Трёх месяцев правления ей оказалось достаточно, чтобы стать образцом для всего элгантного мира, законодательницей костюмов и причёсок; во всех салонах, при всех дворах одерживает она блестящие победы". Созданная для блеска и неиссякающей радости, она достойно умерла, и с нею почилась вся галантная эпоха. Если кого и убили за наивность, так это чету Бурбонов в 1793 году!

Для нас эти картины, скандалы и табакерки — лишь экспонаты. Что характерно, век Людовика XVI и Антуанетты казался далёкой сказкой уже в 1830-х — 1840-х годах, когда могли быть живы участники и свидетели былой красоты. Больше того — одевание пушкинской графини, Гликовой Дамы, что "...сохраняла все привычки своей молодости, строго следовала модам семидесятых годов и одевалась так же долго, так же старательно, как и шестидесять лет тому назад", — это не единственный марзам, а целое повертие. Пожилые аристократы упорно делили вид, что всё ещё цветут акации-жасмины их младости. Юношество — посмеивалось. Но в конце 1850-х вдруг случилось "второе рококо", а повелительница мод — императрица Евгения объявила себя второй Марией-Антуанеттой. К счастью, без кровавых последствий. Но курс на обожание стиля Louis Seize был взят, и нынче он в превеликом фаворе у богатых сотраждан — жаль, что в очень уж нелепом исполнении.

Галина ИВАНКИНА

ВРЕМЯ ВЕРНЁТСЯ В РАЙ

О прозе
Екатерины
Глушик

лукавства и корысти. Миротреченники знали о времени всё, им была ведома точка его отсчёта. Её не найти на земле: это точка слияния воды и неба, её скрывает море, скрывает дождь. Отыскать её могут только люди дождя — парадителти отшельников: "Они появились, когда прошёл дождь, и он их поселил, поселял в труднодоступных местах, куда самостоятельно человек едва ли бы добрался. А чтобы люди не скучили по родившему их морю, находящемуся на небе, Бог окружил их разными водами: реками, озёрами, ключами".

Тому, к кому живёт капля первородного дождя, на миг откроется тайна: точка отсчёта времени — вечность. В эту точку время однажды вернётся. Время вернётся в Рай. Время в Раю — источник, не замутнённый старостью и смертью.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА веками лепила время. Берегла этот жизнотворный источник в пору засухи и потопа, не позволяла отравлять и засорять. Если течение времени устремлялось в тулик, литература создавала счастливые каналы, меняла направление потока, чтобы не наступило безвременье.

Потому писатель и поэт определяется временем. Язык, образ, творческие озарения, принадлежность к традиции и художественное новаторство — всё имеет временное измерение. Так слово текло от Каялы к Непрядве, от чудного Днепра к Валерику, от тихого Дона к Матёре на Ангаре.

Река русского слова готова была струиться бесконечно, но постмодернизм убил время — во всех его формах и смыслах. Убил как физическую, философскую и историческую категорию.

Герои постмодернизма — гомункулы: у них нет ни предков, ни потомков. Эти герои беспамятны, они вырваны из времени, а значит — из реальности, они не различают прошлого, настоящего и будущего. В своём виртуальном пространстве они раззали чёрную дыру, начертили чёрный квадрат, пожирающий всё, не оставляющий ни одной точки опоры. Видишь знакомый образ, пытаешься ухватиться за него — а он растворяется, как фантом. Встречаешь знакомую цитату, хочешь опереться на неё — и проваливаешься в постмодернистскую бессмыслицу, будто ступил на истлевшие доски. А кругом лукавые глаза, ироничные улыбочки.

В постмодернизме время поругано, осмеяно. И герой, и читатель намеренно сведены к временного пути и отсечены от вечности, к которой ведёт этот путь. Русская литература сопротивляется, старается вернуться к жизнотворному источнику.

Эстетика, грядущая на смену постмодернизму, в первую очередь будет воскрешать время. Будет возвращать в литературу реальность, живую жизнь. Реальное встретится с сакральным, время вновь станет святыней. Время возродится как эпо-

ха, как долгота и скорость дней, как память о со-

бытиях и людях. Сакральный реализм, вытесняющий постмодернизм, пока не привёл в литературу сплочённой группы, он пробивается в творчестве разных поколений, у авторов с самой разной судьбой. Сакральный реализм складывается как сопричастность тайне, чуду, мечте, как осознание того, что единица в одночасье может стать равной миллиону. Сакральный реализм вырастает из чувства рода, когда то ли предки потомку, то ли потомки предку говорят: "Будешь во времени, и нас помняи".

Воскресит такое родовое время — задача, в современной литературе посильная немногим. Екатерина Глушик берётся за этот труд. Её герои расширяют ось времени, закрученную постмодернизмом в уродливую спираль. Там, где время проседало и проваливалось, для него нашлись подпорки. Младшие дети, что когда-то были баловнями в семье, берут на себя всю тяжесть жизни, становятся нижними венцами родового дома, когда постепенно уходят те, что старше. Младшей дочери предстоит хоронить отца и мать, братьев и сестёр. Младшей дочери суждено испить самую горькую чашу утрат: "Всем своим любимым она глаза закроет! Увидит всех своих дорогих людей в гробу! Она не видела ничего рождения, а видела только смерти".

В прозе Екатерины Глушик встречаются различные временем — те, для кого оно оборвалось, и те, для кого оно тягостно длилось, отдавая желанную встречу. Старая вдова молодого мужа, погибшего на фронте, пронесёт над собой по главной улице села его портрет, как в Бессмертном полку — и время двух жизней сомкнётся, выровняется. Другая вдова увидит мужа в посмертвшем внуке — и в последний миг обретёт драгоценное утешение: "Утешил ты меня, светоносный мой, утотил мои печали. Ты мне в земной горести утешитель. Знала: не оставишь меня в земных печалях — утотилиш. Перед тобой отчиталась, сейчас и на строгий

суд можно отправляться. Сокол мой ясный, голубь мой, сейчас и умирать можно — дождалась. Ты мне глаза и закрой, друг сердечный".

Многие герои Екатерины Глушик бездетны. Это рано овдовевшие или те, кто пережил подлинную любовь, так и не переросшую в семью. Это "старые русские", отдавшие себя науке или творчеству, оставившие детей в какой-то параллельной, неслучившейся жизни, в ином её сценарии. Эти герои станут по-особому продлевать род: не через кровную вертикаль от пращуров к правнукам, а через духовную горизонталь, когда одинокая старушка будет называть юную соседку "мила дочь"; когда всеми покинутый человек вклеит свою фотографию в кем-то потерянный семейный альбом, а потом даст имя каждому "родственнику", придумает каждому, кто на снимках, судьбу и характер, придумает для себя с этой новой семьёй целую жизнь.

Так дух окажется сильнее материи, и по-настоящему родным станет тот, кто обрёл смирение в своей печали, у кого "не в свой черёд" умерли дети, кто накопил любви и тепла для неродившихся внуков. С такими близкими захочется поделиться мощью своих предков.

Откроешь жизнь, будто старый помняник, а там — бабушки и деды, дядя и тётки, мама и братья, и ещё те, кого сам никогда не видел, но о ком через семейные рассказы унаследовал память. Всем хватит места в твоей душе, сердце твоё станет "утробой, в которой будешь носить любимым".

Любимые оживают в твоей прозе. Ради них идёшь в прошлое жизни, вглубь детства, к истокам рода. Идёшь по деревьям, где теперь не осталось ни фольклора, ни говоров, куда уже не приезжают на лето городские дети. Новые поколения не знают этой святой жизни, этого течения времени, которое никогда не гонит, а только ласкает, будто бабушка, что гладит внуку по пшеничным волосам.

Как хочется к своим предкам-старообрядцам, миротреченникам, ушедшим от суеты, уберёгшим души от

БАЛОВНИ СУДЬБЫ

Рассказ

старшая сестра. Поле тогда стало обидно: она никого не видела! И стала просить маму и папу, чтобы они родили братика или сестрёнку. Но они не родили. И вот она — младшая, хоронящая всех. Всем своим любимым она глаза закроет! Увидит всех своих дорогих людей в гробу! Она, Полина, не видела ничего рождения, а видела только смерти. Старшей сестре повезло больше всех: она была свидетелем всех рождений, но не пережила ничьей смерти, раннее всех умершая, никого из братьев и сестёр не хоронившая!

Поля, ещё с похорон бабушки и дедушки, старалась не вспоминать этот горестный момент. Тогда, в детстве, она не почувствовала трагичности: ну, лежала бабушка на диване, спала почти всё последнее время. А тут вдруг её на стол положили. И тоже — как спит. Но потом, по простившейся какого-то времени, маленькая Поля стала скучать по бабушке, рассказывавшей ей сказки, заплетавшей косички, гулявшей по двору за руку. Поле этого не хватало, и она поняла, что это плохо, когда умирают те, кто живёт с тобой и тебя любит.

Поляя сейчас она и речитатив соседки, хоронившей младшую сестру. Та жилагобыва была, быстрая на ногу, на руку, стремительная. И вдруг: мол, заболела. Буквально опомниться не успели — гроб привезли к соседнему подъезду. Дом жил дружно, был заселён в основном работниками фабрики, встречавшимися во дворе, в цехах, на отдыхе. И на свадьбы, и на похороны ходили всем домом. Полина помнит, как соседка сидела у гроба младшей сестры, раскисывалась мятником ко из стороны в сторону, то взад-вперёд, и приговаривала однотоно: "Не в свой черёд, не в свой черёд! В мой черёд, в мой черёд!"

Вспомнила она и похороны девочки из параллельного класса, умершей от малярии. Поля гостила неделю на даче у подружки, чей папа привёз их обратно домой, они радостные выходят из машины, а к ним бежит девочка из 3"Б" класса и говорит, что надо идти обязательно в школу, если есть цветы (а в руках у приехавших дачниц было по букету садовых ромашек), взять цветы, потому что в школе — похороны девочки Тани из 3"А" класса. И всех собирают. Поля с Иринкой побежали со своими букетами в школу. Из актового зала уже выносили маленький алый гроб. Хотя были каникулы, но детей, в основном девочек, собралось немало. Тех, кто с цветами, поставили впереди процессии, чтобы они кидали цветы прямо на дорогу. Поле было жалко, что на цветы наступают.

БАЛОВНИ СУДЬБЫ

И когда медленно шли под музыку духового оркестра, вдоль процессии двигались, то забегая вперёд, то становясь на колени, то поднимаясь и опять опережая процессию, городская сумасшедшая, Сонька-дурочка, как звали её между собой дети. Она хваталась за голову, махала руками крест-накрест и кричала, срывая голос: "Незаконно! Незаконно! Против закона! Против закона! Я — по закону! Я — по закону!" — при этих словах она сильно билась себя по груди.

Сонька была доброй, почти всё время улыбалась. Даже старалась девочке поглядить по голове или пыталась угостить конфеткой. Но у неё никто их не брал, все убегали от неё, и она начинала плакать. Как-то Поля шла с мамой, а навстречу — Сонька. Остановилась, улыбаясь, глядя на Полю. Потом перевела взгляд на маму: "Твоя?" "Моя", — ответила мама. Сонька неуверенно протянула конфетку в замыганным фантике. "Возьми, скажи спасибо!" — велела мама дочке. Поля взяла, поблагодарила, а Сонька радостно засмеялась, повернулась и бросилась бежать по улице, крича: "Моя! Моя!"

Дурочку никто не боялся, но было жутковато здесь, на похоронах, смотреть на неё, кричащую, сдёрнувшую платок, рвущую волосы, падающую на колени, махающую руками. Она, забегая вперёд процессии, ложилась прямо на дорогу, складывала на груди руки крест-накрест, закрывая глаза, изображая покойника. Из процессии вышла старушка, подошла к стоявшей на коленях, видимо, обессилевшей Соньке, стала её поднимать, приобняла, что-то тихо говорила, а та всхлипывая и в отчаянии продолжала словенно спрашивать: "Незаконно? Против закона?"

Потом, когда шли поминки в школьной столовой, Поля услышала разговор бабушек: они говорили, что Соня сошла с ума, когда у неё умерла маленькая дочь.

Сейчас эта сцена вспоминалась, как будто произошла только что, и Поляя Полина казавшаяся тогда бессмысленными крики сумасшедшей "Незаконно! Против закона!" Несчастная мать, сгорившая ребёнка, протестовала против несправедливости: дети хоронят родителей, а не родители — детей. "Я — по закону!", — была себя в грудь Соня, показывая смерти на ошкбу, на себя, как на цель, словно на похоронах детей вновь и вновь хоронила собственного ребёнка.

А вот у Полины всё "по закону". Но "по закону" провозвать тоже тяжело.

Через неделю после похорон брат Поля позвонил сыну, что служил в Абха-

зии, и сообщил о рождении второй дочки. Полина знала о беременности снохи, разрешившейся, получаясь, раньше срока, но так обрадовалась этому сообщению! Словно ей хотели смягчить боль утраты преждевременным рождением внуки. Полина засобиралась к сыну: так хотела увидеть родившуюся девочку!

Уезжая, спросила у чуть поплневшей дочери, как та себя чувствует, и узнала, что дочь ждёт ребёнка.

Сейчас эта сцена вспоминалась, как будто произошла только что, и Поляя Полина казавшаяся тогда бессмысленными крики сумасшедшей "Незаконно! Против закона!" Несчастная мать, сгорившая ребёнка, протестовала против несправедливости: дети хоронят родителей, а не родители — детей. "Я — по закону!", — была себя в грудь Соня, показывая смерти на ошкбу, на себя, как на цель, словно на похоронах детей вновь и вновь хоронила собственного ребёнка.

А вот у Полины всё "по закону". Но "по закону" провозвать тоже тяжело.

Через неделю после похорон брат Поля позвонил сыну, что служил в Абха-

Екатерина ГЛУШИК

Протоиерей Всеволод ЧАПЛИН. Накануне Армагеддона. Свобода. Жизнь. Будущее. — М.: Книжный мир, 2019. — 352 с.

АВТОР этой книги, как многим, надеюсь, известно, — не "простой" православный батюшка в сане митрофорного протоиерея, а один из самых оригинальных и спорных православных публицистов и писателей современности, одно перечисление регалий и наград которого может занять несколько страниц текста. С одним уточнением: многое из этого великолепия сегодня — уже бывшее, уже достояние прошлого. Из сущего сана отца Всеволода, насколько мне известно, пока не извергли, но многих церковных и общественных должностей лишили, так что он сегодня "в опале".

Не будем вдаваться в то, кто здесь прав и кто виноват, — в истории и вселенской, и русской Православной церкви было много спорных моментов, и некоторые из них остаются такими на протяжении веков. Тут порой даже не время решает — Вечность. Как говорится, кому много дано, с того много и спросится. Испытание опалой и свободой, испытание "медными трубами", в том числе — раскалёнными, — одно из самых тяжёлых испытаний, которые могут выпасть на долю верующего человека, христианина.

И Всеволод Чаплин сейчас проходит через это испытание. В том числе — выпуска свои новые статьи и книги, в которых отстаивает всё то, во что продолжает верить. В качестве примера можно привести его авторское вступление к рецензируемой книге, из которой сразу становятся понятными, в чём он видит причины нынешней "опалы": "Вам нужно измениться. Вот так, дорогие господа, дамы, товарищи, друзья, френды, отцы, братья и сестры! И об этом я говорю уже лет двадцать. Только нынешнее время — осере, центральное. И перемы назрели — даже если кому-то их очень не хочется.

Ещё лет пять назад публика ослабленно потребляла "глянцевое" христианство — мало к чему обязывающее, теплохладное, не обжигающее и не леденящее, боящееся радикально изменить жизнь человека. Не смеющее повторить слова Христа, сказанные апостолу Петру, желавшему похоронить отца: "Иди за Мною и предвещай мертвым погребать своих мертвецов" (Мф. 8, 22). Кто сегодня может сказать такое, например, богатым и влиятельным людям — "жене Дмитрия Петровича или самому Василию Василичу"? Да и простому обывателю — "закзачику религиозных услуг"?

Сегодня христианин не может уповать только на власть и силу. Но ещё меньше он должен "подстраиваться" под мир, устроенный на безбожных началах. Ему не надо бежать в пещеры или превращаться в вечного бессильного мытника. Ему нужно сказать всем и каждому: измениться — иначе вас ждёт смерть. Вечная смерть.

Избежать её можно, только пересмотрев весь образ жизни современного человека — от привычных супружеских измен до стиля одежды, от политического устройства государств до нравственных рамок культуры.

Обо всём этом я попробовал здесь сказать в разных форматах — от строго теоретических эссе (для тех, кто хочет во всём дотошно разобраться) до футурологических рассказов и зарисовок под известным моим псевдонимом Арон Шемайер (для тех, кому будет достаточно картинок добра и зла, ожидаемых в ближайшем будущем).

Читайте, меняйтесь — или погибнете навсегда, увлекая в погибель других".

Почти с каждым словом здесь можно и даже хочется спорить: и о неизменности/изменяемости человеческой природы, и о многомерности Слова Божьего, которое полностью не вмещается в себя ни одному человеку, ни одному народу, ни даже всему человечеству в целом, и о том, всегда ли и всякая ли власть — от Бога, любое ли изменение спасает душу от гибели, etc. etc.

Но вместо этого должно (даже должно это много лучше недоделкою добра), раз уж эта книга попадёт в ваши читательские руки, прочитайте её и задумайтесь над тем кругом вопросов и проблем, которые "пеплом Клааса" стучат в сердце "ультрасовременного" русского православного священника, которым и по форме, и по факту является отец Всеволод Чаплин.

Например, маленькую повесть "Машо и медведи", которую можно определить как футуристический вариант русской народной сказки, спроецированной на "топерантное" и "киборгизованное" общество будущего, или "не вполне человеческое" — из той части книги, которая обозначена хэштегом #СВОБОДАМИФ. Или давший название всей книге большой рассказ "После Армагеддона", включённый во вторую её часть, под хэштегом #СМЕРТЬ БЛАГО

— Теперь самое главное. Супер-гавд мне объяснил, как выковырять приёмник импульсов, который отслеживает, где мы находимся. Вот участок на лбу, где он всплывл. Вот участок на правой руке. Поживайте — чувствуете чип? Кто пойдёт со мной — берите ножик и вынимайте эту дрянь. Вот: раз, два. Три, четыре.

Гарды без особого труда послушно извабились от девайсов. И что же теперь, спросил себя Го. Вроде ничего не изменилось. И память осталась. И слова, и картинки, зачаканные через импульс, остались при нём. Появились только совсем неведомое ему чувство свободы — и понимание того, что он может идти, куда он сам решит. На подсудину, так на подсудину. В море, так в море. В Африку, так в Африку. Как уж получится.

Го, тихо напевая, пошёл в свой бокс собирать разсыпавшиеся в дорогу. Что он пел? Пойди поймай... Ночью скачалось, да так и вертелось в мозгу. Шурберт — так, кажется, было написано в аннотации. "Ave Maria"...

Георгий СУДОВЦЕВ

Н.И. ЛИБАН. "Русская литература. Лекции-черки" в 3-х томах. — М.: "Прогресс-Плеяд", 2014-2015. — Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.